

ПОКРОВСКИЙ Н.Е.

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Государственного университета - Высшая школа экономики.

Уважаемый Федор!

В своей статье Вы задаетесь немаловажным социологическим вопросом. Почему, мол, П. Бергер и Т. Лукман определили вторичную социализацию как "холодную", "анонимную" и "дистанцированную". По итогам Ваших интервью, проведенных со студентами социологического факультета Петербургского университета, получается, что студенты, оказываясь в зоне этой самой вторичной социализации, как раз и страдают от "холодности", "анонимности" и "дистанцированное™" современного университетского образования. Вывод Ваш таков: эти ученые ошиблись, и надо делать вторичную социализацию тоже "с человеческим лицом", насыщая ее чуть ли не теплом семейного общения "по душам".

Все, что Вами сказано о современных студентах, преподавателях и системе преподавания, представляется мне весьма близким к реальности. Ситуация "схвачена" точно - на болевом изломе. Но по части теории позволю такой комментарий.

В своих выводах Вы игнорируете такие характеристики ситуации, как ее историчность и привязанность к культурному контексту. В этом-то, на мой взгляд, и корень предполагаемой Вами "ошибки" Бергера и Лукмана. У "них", на Западе, это обычно случается так, как излагают классики. У нас - существенно по-другому.

Российское социологическое, да и любое иное университетское образование вырастает из всей социокультурной ситуации. А ситуация эта характеризуется нестабильностью, переходностью, кризисом, в том числе и в области ценностных ориентаций и нравственно-психологических ожиданий молодежи. Есть и другое название этому явлению - *аномия*. И оно Вам, не сомневаюсь, хорошо знакомо. Так вот, наши университеты существуют в зоне объективной дисперсии нравственных и профессиональных ценностей, включая ценности науки, научного исследования, социализации и пр. Причем аномия "накрывает" как студентов, так и преподавателей. В разной степени и по-разному, но и тех и других. И что из этого следует?

А из этого следует то, что полностью (или почти полностью) нарушена система взаимных ожиданий, составляющая основу любого взаимодействия. Дело в том, что Вам *только кажется*, что самое главное для Вас это получить полноценное и глубокое образование, то есть знание. Это социальная иллюзия, в известной степени, инверсия.

Вы пришли в университет из мира, где ценность знания находится на весьма низком уровне. Фундаментальное знание уже *ничего* и *никого* не определяет. Оно не составляет основу социальной стратификации. А это значит, оно отчасти выпало из социальной структуры. При этом люди не хотят называть вещи своими именами и предпочитают семантически существовать в старой просветительской (или модернистской) системе смысловых координат. Иными словами, Ваши однокурсники и мои студенты принадлежат к новому обществу, но ментально задержались в прежней парадигме. (Так

что выходит, перевороты в сознании могут не только опережать события, как утверждал Маркс, но и запаздывать по отношению к этим событиям.) На самом же деле, в образовании начинает господствовать принцип полезного знания (*useful knowledge*), отражающий модернизационно-трансформационные процессы последнего десятилетия в мире и в России *as well*. Вот как все происходит дальше.

Итак, не имея никаких четких представлений о том, что и как делать в этой жизни, вы в большинстве своем устремляетесь в вузы. Выбор вуза и высшего образования как такового носит в большинстве случаев *нерациональный* характер, хотя и может внешне выглядеть как сверхрациональный выбор (репетиторы, бесконечные обсуждения темы за кухонным столом и с товарищами, подготовительные курсы, а далее обязательный выбор из джентльменского набора - юрист, менеджер, экономист-финансист, психолог, PR, маркетинг и, пожалуй, все). Скрытая рациональность поступления в вуз состоит в том, что молодежь и ее родители хотят поместить себя в некую "консервационную камеру". Подождать, отсидеться, посмотреть, что будет, найти место "приземления" в будущей жизни, не пойти в армию, провести время в престижном статусе, найти хлебное место и синекуру (хорошая зарплата при минимуме усилий - мечта всех студентов). Об этом говорят исследования студентов, проведенные АХ. Эфендиевым, А.А. Овсянниковым и других видными социологами. На теоретическом уровне можно зафиксировать; латентные функции института высшего образования фактически стали преобладающими, оттеснив на второй план явные функции -получение знания и социализация в профессиональной среде.

И вот такой человеческий материал поступает на факультеты. И другого "материала" нет, ибо его тотально социализировало общество именно в такой системе ценностей. (Разумеется, исключения есть и их бывает немало. И, мне кажется, Вы как раз и принадлежите к этим исключениям. Но не "исключения" в данном случае определяют тенденцию.)

И далее разворачивается настоящая драматургия. Почти с шекспировскими страстями. Студенты на уровне драйва хотят *useful knowledge* ("хлебного" знания, обеспечивающего синекуру). Факультеты к этому не вполне готовы, либо профессорско-преподавательский состав в значительной мере сформировался при прежнем режиме (что хорошо и плохо одновременно) и не очень чувствует эту новую реальность. Кроме того, полный переход на позиции *useful knowledge* с неизбежностью привел бы к аннигиляции традиционного фундаментального знания и превратил бы наши университеты, даже "императорские", в усовершенствованные подобию советских техникумов. Естественно, факультеты сопротивляются этому. Пока еще...

А что студенты? Они, на уровне подсознания, чувствуют некое неблагополучие ситуации и ее переходность. У них возникает справедливое чувство неопределенности, неясности, дезориентированное™ учебного процесса. В более широком контексте они не знают, что им делать в этой жизни (хотя, повторяю, это незнание может проявляться в виде сверхактивности и сверхделовитости, которые позднее бумерангом ударят по ним же в виде приобретенного комплекса социально-профессиональной неполноценности). Но, не имея возможности рационализировать и операционализировать это чувство, студенты высказывают многочисленные, подчас капризные и даже фрейдистские (на уровне невысказанности и невротичности) претензии к тем, кто ближе. Это происходит повсеместно и по всем поводам. И это, в принципе, естественно.

"Почему мы не занимаемся *настоящей* социологией?", "Где *настоящие* звезды социологической науки, которые обучают нас?", "Где *настоящая* фундаментальная социология в наших программах?", "Где мы будем работать в качестве *настоящих* социологов?", "Почему нет *настоящей* социологической практики?" и пр., и пр. Такие стенания я слышу от студентов чуть ли не ежедневно.

Но все это можно подытожить, назвав той самой смысловой *инверсией*, "Настоящая социология", о которой так много говорится, по большому счету современным студентам уже (именно *уже*, а не *еще*) исторически недоступна. Прискорбно, но факт. История вообще не только дает нам знание, но подчас и отнимает его за ненадобнос-

тью, погружая в археологический слой. Причем уход в глубину археологического слоя происходит в гуманитарных областях не только с, так сказать, преодоленным знанием, но и знанием не востребуемым, но по-своему еверхценным. Рискну предположить, что социология со всей своей сложностью (не на уровне SPSS, разумеется), многомерностью, полисемантической, функциональной комплексностью, опорой на социологическое воображение - удел немногих. Она было попыталась стать (и в России тоже) массовой профессией, но, как говорят студенты, "обломилась". Общество отшатнулось от зеркала, в котором увидело само себя. Поэтому и стало пенять на зеркало. Спрашивается, в какой мере *именно настоящая* социология без кавычек доступна современным студентам, пришедшим из мира ТВ, интернетовских чатов, популярных журналов, тусовок, видео/аудио и т.д.? Мне кажется, аутентичная социология как профессия и признание не ложится на указанный мир гиперреальности. Без социологии проще жить в веселье и самоуспоенности, как отдельным специалистам, так и обществу в целом. А чисто технические функции определения раз в четыре года политических рейтингов могут выполнять и выпускники социологических техникумов, а равно и маркетинговые исследования они с успехом проведут.

С другой стороны, вообще говоря, столь вожденная *настоящая социология* вполне доступна всем желающим. Никаких барьеров, кроме внутренних, нет и в помине. Все, что надо, давно имеется на полках библиотек и на интернетовских сайтах, заграничные стажировки открыты для желающих, профессора никогда не откажут в консультации подготовленному студенту, время от времени Россию посещают великие социологи. Но в том-то и дело, что книги надо *читать*, желательно делая выписки и стараясь понять сложные тексты, в Интернете надо *работать*, находя серьезные научные сайты, ездить на стажировки *без хорошего знания иностранного языка* бессмысленно, современного классика надо *понять* и на уровне клипово-чатового сознания. Короче, настоящую социологию надо намывать как золото - в трудах, больших трудах. А вот с этим у наших студентов, воспитанных российским обществом квазипотребления, большие трудности.

Поэтому дебаты по поводу "настоящего" социологического образования, на мой взгляд, суть не что иное, как не лишённые театрализации академические спектакли среди социологов, где роли заранее распределены и монологи также расписаны по исполнителям. Студенты с пафосом и нажимом требуют "настоящей" социологии, не желая понимать, что это совсем *не то*, но *другое*, и уже, во всяком случае, не про них. Профессора вяло отстреливаются, боясь обидеть студентов (не дай Бог, упадут рейтинги), да и сами преподающие предельно дезориентированы в том, что делать и кем быть. Все говорят о "настоящей" социологии, но имеют в виду разные вещи: либо ушедшее традиционное просветительское знание, либо псевдознание в упаковке "настоящего" знания.

Иногда мне кажется, что наши студенты декларативно хотят "настоящей" социологии, но без чтения трудных книг, без серьезного овладения иностранными языками, включая родной русский, который для многих стал уже иностранным (ибо студенты говорят на новом русском языке в иной сигнальной системе), без умения *слушать* и *понимать* профессора, а не просто монологически вещать по принципу "какой я студент умный и талантливый, потому что я емь и тем ценен истории, а все профессора недоумки по определению". Порой мне кажется, что протестующие студенты хотят не настоящей социологии, а "конфетки", то есть симулякра настоящей социологии, упакованного в соответствующие обертки - доступного, ясного "до донца", яркого по форме, создающего иллюзию доступной глубины и фундаментальности, легко усваиваемого и легко вытесняемого из памяти, но оставляющего приятное послевкусие, мол, знал, присутствовал при этом, понял, освоил, готов судить, в целом "я социолог", но, умоляю, *без деталей*. "Я социолог" - звучит гордо и статусно. Имидж!

Драматизм ситуации состоит в том, что внешний мир именно таков, и наши студенты - его естественный продукт, изоморфно повторяющий логическую структуру

смыслонаделения. И другого мира не будет. По крайней мере, в обозримом будущем и даже после него.

Несколько слов вновь о вторичной социализации. Мне представляется, что студентам нужны вовсе не доверительные и открытые отношения с преподавателями. Эти отношения требуют подготовленности к общению, умения извлечь из них *смыслы*. Студентам в лице профессоров нужны психотерапевты, которые будут выслушивать монологи, снимать молодежные комплексы не востребованности, праздности (и полной потери внутренней дисциплины), дезориентированности, пустоты моральных горизонтов, в чем, разумеется, студенты никогда прямо не признаются, проводя оруэлловские инверсии. Говоря практически, *проблема факультетов в том, чтобы решить вопрос образования психотерапевтически*. Вот Вам и реальная концепция вторичной социализации - клиентская психотерапия.

Такие мысли пришли мне по поводу результатов Вашего исследования.